

• Автор: [Антон Барбашин](#)

[Коллапс, которого не случилось](#)

Если сегодня обратиться к прогнозам и оценкам положения России, опубликованным экспертами в начале 2015 года, то, пожалуй, можно усомниться в их трезвости и непредвзятости. После 2014 года (агрессии против Украины, внешней «изоляции», падения цен на нефть и декабрьского краха рубля) казалось, что в далеком 2017 году Россию не ждет ничего хорошего. Аналогии с 1917 годом не проводил разве что ленивый. Сегодня очевидно, что граничащий с фатализмом пессимизм, казавшийся на тот момент оправданным, был скорее эмоциональным явлением, не учитывающим ни «черных лебедей», ни терпеливость населения России.

Дело не в экономике, дело в терпении

Несмотря на то, что ВВП России сократился с \$2,230 млрд в 2013 году до \$1,326 млрд в 2016-ом, бюджетные расходы сокращаются по всем статьям, а налоговая нагрузка растет повсеместно, ключевые – с точки зрения правительства – показатели экономической (а значит и социальной) стабильности держатся вполне уверенно. Международные резервы России с января 2015 года по декабрь 2016-го [сократились](#) всего на 0,001% (с \$385 460 млн до \$385 288 млн). Инфляция за тот же период [упала](#) с 12,91% до 5,38%, а внешний долг сократился с почти \$600 млрд в январе 2015-го до \$523 млрд в июле 2016-го (в том числе государственный долг – с \$41 до \$35 млрд).

Вышесказанное отнюдь не означает, что российская экономика вышла из кризиса или нашла новые

двигатели экономического роста. Важное значение для улучшения положения имела растущая цена на нефть, [поднявшаяся](#) с самой ее низкой точки в январе 2015 года (\$32,13/баррель) до \$55 в начале 2017-го. Не меньшее значение имеет и адаптивность россиян к постоянно – пусть и медленно – снижающемуся качеству жизни.

Такая логика событий последних двух лет не могла не привести Путина к еще большей уверенности в том, что доверять проклятиям либералов, что «все неизбежно рухнет, если все не реформировать», по меньшей мере, нецелесообразно.

Еще со времен лозунгов [«модернизация или смерть»](#), а также множества утверждений видных экономистов, что Россия накроется медным тазом, если не проводить экономические реформы (тем более вкупе с политическими), у Путина выработалось стойкое неприятие любых радикальных экономических рецептов и прогнозов. Оказалось, что волна пессимизма 2014 года стала лишь очередным эпизодом истории о том, как «умные парни понапрасну сгущали краски», когда в действительности вполне можно обойтись без либерализации и реформ, выдержав более чем двукратное падение цен на нефть и западные санкции. И не важно, что это проблемы, отложенные на завтра, платить за которые приходится всем гражданам России. В системе координат Кремля «завтра» – это не проблема дня сегодняшнего, а россияне на то и должны быть патриотами, чтобы терпеть лишения на благо Родины.

Здесь уместно вспомнить о большой проблеме исторических аналогий, которые, как правило, иллюстративны, но не всегда верны. Сравнивая экономику России с экономикой СССР конца 80-х, операцию в Сирии с Афганистаном, а Путина с Брежневым, мы получаем – при всех отдельно схожих элементах – принципиально иную общую картину. Российская экономика значительно более гибкая, а российский руководящий класс (по крайней мере, в вопросах экономики и финансов) куда более образован, нежели их советские предшественники. Говорить же о сравнении с 1917 годом пусть и занятно, но бесполезно с практической точки зрения. Если события 1917 года и повторятся, то совершенно в другой форме и в другой исторический период.

Торжество цинизма

Еще менее убедительно сегодня выглядят тезисы начала 2015 года о том, что Путин ответит за свои действия в Украине и потерпит поражение в Сирии.

Сирия стала самым ярким примером неспособности западного мира защитить человеческую жизнь как ценность за пределами своей непосредственной зоны влияния. Пассивное участие западных стран в решении сирийского вопроса позволило России взять на себя инициативу в Сирии, навязав свои правила игры и ценностные ориентиры. Более того, Москва доказала, что диалог с западным миром не заканчивается после «освобождения Алеппо». Наоборот, тактические успехи на земле практически полностью нивелируют политические заявления руководителей стран Запада, осуждающие российские методы ведения войны. Диалог продолжается, Москва контролирует ценнейший ресурс, позволяющий ей свести все разговоры об Украине со стороны стран Запада к редким осуждающим заявлениям и неловкой констатации действительности.

Вне зависимости от итогов российской операции в Сирии и того, как ее будет оценивать следующее поколение политиков, сегодня – это живое подтверждение способности Москвы заставить Запад говорить с Россией о том, о чем с ним хочет говорить Кремль.

Приход Трампа в Белый дом вкупе с постоянно растущей ролью правых сил в Европе, опять же, не может не убедить Кремль в оправданности (а может и необходимости наращивания) операций влияния, дезинформации и банального спонсирования антилиберальных сил по всему периметру западного мира. После Крыма говорить о доверии к Кремлю было абсолютно бессмысленно, поэтому риск потерять доверие или испортить себе репутацию просто не стоял на повестке. Дивиденды от этих сравнительно дешевых операций колоссальны. Вряд ли в начале 2015 года кто-либо мог представить исход американских выборов и ту неразбериху, которая сейчас творится вокруг российского вмешательства в американский выборный процесс.

Ни победы, ни поражения

Маловероятно, что российские действия последних пары лет приведут Кремль к стратегическим победам. Безусловно, если целью было стать самой упоминаемой страной в мире, то цель исполнена на 146%. Более того, крайне высока вероятность того, что России придется вдвойне заплатить за все действия Кремля, осуществляемые с 2014 года и по сегодняшний день. Но настанет этот момент расплаты, скорее всего, «завтра». А «завтра», как уже говорилось ранее, – неактуальная для Кремля категория.

Однако нельзя игнорировать тот факт, что Путин опроверг прогнозы самых светлых умов, предрекавших ему в начале 2015 года скорое поражение. Ресурсы Москвы – при всей их видимой ограниченности – значительно больше, чем принято считать. В какой-то мере они прямо пропорциональны готовности Запада их преувеличивать.

В начале 2017 года Москва испытывает небывалый рост своего влияния, проникшего в самое сердце «свободного мира» в первую очередь по причине неготовности к самозащите последнего. Тем не менее, это влияние отнюдь не конвертируется в экономическое благополучие и новые источники роста, оставляя нерешенными давно известные проблемы. Но Путин довольно успешен в вопросе откладывания решений сложных проблем.

теги

[Putin](#)

[economy](#)

[West](#)

[Trump](#)

категории

[Politics](#)

Использование материалов интернет-издания "Intersection" путем их полного воспроизведения разрешается только с разрешения редакции Intersection - intersection@intersectionproject.eu